

В Цзянчжоу в шестом месяце стрекотали цикады, своим звоном заглушая голоса людей.

— Как здоровье Его Величества? — спросила Му Цзиньчжи, проходя через длинную галерею.

— Он только что выпил миску охлаждающего супа из кислой сливы, — тихо ответила дворцовая служанка. — Сейчас он отдыхает.

— Скажите наследному принцу, чтобы он пришел повидаться с ним. Просто передайте, что Его Величество вызвал его, — сказала Му Цзиньчжи. — Погода слишком жаркая. Приготовьте для наследного принца холодный суп из кислой сливы.

Дворцовая служанка послушно согласилась и без промедления ушла. Было так жарко, что щеки Цай Яня покраснелись, и у него уже не оставалось сил, чтобы сосредоточиться на работе. Ли Яньцю уже несколько дней спал, с начала лета у него не было аппетита, а все его меморандумы отправлялись в Восточный дворец.

— В Хэбэе идет призыв в армию, — произнес Цай Янь.

Фэн До ответил:

— Когда он вернется в столицу, я лично перехвачу его с отрядом. Если все закончится еще одним провалом, я тоже не вернусь.

Цай Янь больше ничего не сказал. На самом деле он уже привык жить в страхе. Поначалу он предполагал, что Дуань Лин будет подобен фейерверку, готовому в любой момент взорваться, но позже понял, что тот оказался просто пустышкой. Он был уверен, что Дуань Лин никогда не осмелится позволить Му Куанде узнать, кто он на самом деле, — он слишком много знал о том, что творилось в доме канцлера.

Странно, но Чан Пин не показывался уже более полугода, да и Чан Люцзюнь тоже куда-то запропастился. Что же они задумали?

После Праздника весны до Цай Яня дошли слухи из Хуайина: мол, Яо хоу подозревал Му Куанду в мятеже, поэтому у него не было другого выхода, как послать Чан Люцзюня, чтобы доказать свою преданность.

Ни один из убийц, отправленных за последний год, не вернулся. Цай Янь не решался бездумно посылать новых, планируя убить Дуань Лина, когда тот будет возвращаться в Цзянчжоу. Если они действительно не смогут избавиться от него, то им придется придумать что-то другое.

Что за кучка бесполезных людей. От жары у Цай Яня слегка закружилась голова. Такого сильного пекла в Шанцзине он еще не испытывал, к тому же в прошлом году было наводнение, так что тогда было не так жарко.

Снаружи что-то сказала дворцовая служанка, и Лан Цзюнься вошел, чтобы передать ему:

— Вас вызвал Его Величество.

Цай Янь как раз думал о том, чтобы навестить его. После возвращения в начале года здоровье Ли Яньцю то ухудшалось, то улучшалось. Говорили, что он простудился во время поездки в Хуайин, из-за чего весной несколько месяцев кашлял. Что касалось причин, по которым он отправился в Хуайин, то после долгих размышлений Фэн До решил, что это было связано с Му Куандой.

Но прошло уже более полугода, а дядя, похоже, так ничего и не предпринял. Так что, скорее всего, это был бездумно распространяемый слух.

Цай Янь беззаботно шел по галерее, пока не оказался возле покоев Ли Яньцю. Снаружи он тихо произнес:

— Дядя.

Лежа на кровати, Ли Яньцю несколько раз кашлянул.

— Сын мой? Входи.

Цай Янь зашел внутрь, и дворцовая служанка поставила перед ним миску с супом из кислой сливы. Измученный жаждой Цай Янь как раз поднял миску, когда заметил, что на него смотрел Ли Яньцю, и поднес ее к нему.

— Дядя, не хочешь воды?

Ли Яньцю покачал головой, и Цай Янь поставил миску на пол. Подумав, он все же велел служанке сходить за водой для Его Величества.

Ли Яньцю прислонился спиной к изголовью кровати, его волосы были растрепаны, а губы бледны.

— Мне только что снился твой отец.

— В последнее время было слишком жарко, и ты плохо спал, дядя. То, о чем человек думает днем, снится ему ночью.

— Снова приближается годовщина его смерти, — закрыл глаза и пробормотал Ли Яньцю. — Расскажи мне что-нибудь из прошлого твоего отца. Я скучаю по нему.

Цай Янь выбрал несколько историй, которые припомнил с того времени, когда учился владеть мечом, и придумал еще несколько; например, как Ли Цзяньхун брал его с собой в магазин за книгами, выбирал тушь и кисти, водил на прогулки весной. И еще о том, как много было желающих выдать своих дочерей замуж за такого вдовца, как он.

Ли Яньцю лишь спокойно слушал, слегка приподняв уголки губ.

Немного поговорив, Цай Янь увидел, что Ли Яньцю уснул, и поднялся, чтобы накрыть его одеялом.

Но именно в этот момент он заметил, что красный шнурок, который Ли Яньцю носил на шее, исчез.

— Дядя? — тихо произнес Цай Янь. Он протянул руку и дотронулся кончиками пальцев до груди Ли Яньцю поверх его белых одеяний, но обнаружил, что нефритовая дуга, которая должна была быть там, исчезла. Как только он задался этим вопросом, то вдруг понял еще кое-что — он не чувствовал дыхания Ли Яньцю.

Он провел пальцем по пространству перед его ноздрями: тот уже перестал дышать.

Дуань Лин во дворе выковыривал косточки из слив. После того как они будут вынуты, мякоть сливы опустят в стеклянную банку, чтобы она перебродила и превратилась в вино.

Во двор вбежал Линь Юньци. Его волосы были растрепаны, он явно только что проснулся и чуть не споткнулся, когда входил в дом. Он уставился на Дуань Лина.

— Мой господин... — дрожащим голосом произнес Ли Юньци. — Есть новости с юга.

— Что случилось? — Дуань Лин вытирал руки. Некоторое время никто ничего не говорил.

Линь Юньци промолвил:

— Семь дней назад... Его Величество скончался.

В голове Дуань Лина внезапно загудело, и он в оцепенении застыл. Но У Ду тут же ответил:

— Я понял. Можешь выйти.

Каждый чиновник здесь знал, что Дуань Лин пользовался императорской милостью, будучи

любимцем Ли Яньцю; не было ни одной вещи, которую он не отправил бы к императорскому двору, не получив одобрения. Линь Юньци предполагал, что, услышав новость, Дуань Лин разрыдается, но не ожидал, что он будет просто стоять, тяжело дыша.

— Я же сказал тебе уходить! — сорвался с места и закричал У Ду. — Что ты стоишь?

Линь Юньци поклонился и без промедления удалился. Как только он ушел, У Ду встал и обхватил Дуань Лина руками, заставляя присесть.

— Он не умер, — прошептал ему на ухо У Ду. — Не плачь. Это все притворство. Это притворство!

Но Дуань Лин уже все пропускал мимо ушей. Тогда У Ду повторил еще несколько раз, потирая перепонку между большим и указательным пальцами, чтобы помочь ему прийти в себя. Он произнес:

— Твой дядя все еще жив. Он просто притворяется! Не волнуйся!

В этот момент Дуань Лин окончательно пришел в чувство. Ранее ему казалось, что был момент, когда его сердце билось так быстро, что в глазах потемнело — он был близок к тому, чтобы потерять сознание.

— Что ты имеешь в виду? — дрожащим голосом произнес Дуань Лин. — Не пугай меня... У Ду, прошу тебя.

— Это часть плана Его Величества, — наклонился к уху Дуань Лина и прошептал У Ду. — Разве не ты отправил гонца с письмом в Цзянчжоу семь дней назад? Я удержал это письмо.

— Что? Подожди-ка... — Дуань Лин обернулся, схватил У Ду за руку и тревожно промолвил. — Не скрывай от меня ничего. Расскажи все.

— Его Величество давно подозревал, что Му Куанда и генерал на границе находятся в сговоре. — Если он выступит против Му Куанды, то это непременно повлечет за собой причастность Хань Биня, а также Бянь Линбая, который захватил армию и устроил заговор против покойного императора под горой Цзянцзюнь. В целях самосохранения, как только имущество Му Куанды будет конфисковано, Хань Бинь наверняка выступит против трона.

— И что? — надавил на него Дуань Лин. — Почему они сказали, что мой дядя скончался?

— Он инсценировал свою смерть, — объяснил У Ду. — С помощью лекарства, которое я для него приготовил. Как только он притворится мертвым, и весть о кончине императора распространится за пределами столицы, Хань Бинь, как и Яо Фу, отправится в Цзянчжоу со своей армией, чтобы присутствовать на похоронах. Когда придет время, мы будем должны

сначала избавиться от Хань Биня.

Дуань Лин с тревогой спросил:

— Что за лекарство ты ему дал? Есть противоядие?

— Тихая смерть. То же самое снадобье, которым тебя отравили раньше. Противоядие у Улохоу Му.

— И кто же ему его даст? — тут же спросил Дуань Лин. — А если никто не сможет его дать?

— Этого не случится. Оно у Чжэн Яня.

— Почему ты не сказал мне раньше?! — Дуань Лин мгновенно вспыхнул и попытался оттолкнуть У Ду, но тот обхватил его руками и крепко прижал к себе.

— Отпусти меня! — в голове Дуань Лина все смешалось.

— Не отпущу! Послушай меня! — У Ду заглянул в глаза Дуань Лину.

Только после этого вспышка гнева Дуань Лина постепенно стихла. Он весь сгорал от волнения и воскликнул:

— Как он мог так поступить?! Ведь он поставил на кон свою жизнь! Как ты мог послушаться его?!

— Его Величество уже принял решение! Как я мог убедить его в обратном? Вот почему он не сказал тебе.

Дуань Лин был единственным человеком, который мог остановить Ли Яньцю. Теперь он все понял.

— Нет, я должен немедленно вернуться в Цзянчжоу, — теперь, когда он узнал, что произошло, Дуань Лин не мог больше сидеть сложа руки.

— Тогда поехали, — не имея иного выхода, ответил У Ду. — Я уже все собрал.

— Что? — Дуань Лину было еще труднее поверить, что У Ду не стал пытаться его остановить.

Покрытый пятнами сливового сока, У Ду вытер руки и беспомощно посмотрел на Дуань Лина.

— Его Величество уже сказал мне, чтобы я не пытался остановить тебя, когда придет время, да и в этом нет смысла — конечно, ты вернешься в Цзянчжоу. Но как только мы туда вернемся, ты должен делать то, что я скажу, и не действовать необдуманно.

Дуань Лин чуть не упал в обморок — Ли Яньцю слишком хорошо его знал.

— Пойдем, — сказал Дуань Лин. — Выезжаем прямо сейчас.

В тот день в кабинете губернатора царил суматоха. Дуань Лин собрал чиновников, кратко распределив дела, и вместе с У Ду отправился в столицу на похороны. Все уже привыкли к отъездам губернатора, тем более на этот раз в Цзянчжоу произошло серьезное событие, и подчиненные тут же принялись за работу.

Фэй Хундэ, провожая Дуань Лина за город, лишь приблизительно уловил суть событий. Тот колебался, стоит ли брать Фэй Хундэ с собой, но, учитывая необходимость спешить в пути, велел ему отправиться следом позже — после того, как убедится, что в Хэбэе все спокойно.

— Тогда ты отвечаешь за сопровождение мастера Фэй Хундэ, — сказал Дуань Лин Чан Люцзюню.

Больше всего Дуань Лин ломал голову над вопросом, что делать с Чан Люцзюнем — он не мог гарантировать, что тот не предаст его, не развернется и не убежит обратно к Му Куанде, и он не знал, как ему поступить с ним. У Ду планировал снова отравить Чан Люцзюня и держать его под контролем.

Но Фэй Хундэ был уверен в себе и сказал Дуань Лину, что это проблема не стоит его беспокойства.

— Чан Люцзюнь уже предавал канцлера Му однажды, — сказал наедине Дуань Лину Фэй Хундэ. — Му Куанда — по натуре подозрителен, поэтому даже если Чан Люцзюнь вернется, тот никогда больше не примет его в свой ближний круг. Доверьте это дело мне. Я выборочно расскажу ему правду на обратном пути в столицу.

Дуань Лин опасался повторения того, что случилось с Чан Пином, но Чан Люцзюню не было смысла убивать Фэй Хундэ. В конце концов, он хотел, чтобы выжили и он сам, и Му Цин.

После неоднократных раздумий Дуань Лин решил довериться Фэй Хундэ и оставить дело в его руках.

— Мастер Фэй, пожалуйста, прежде всего будьте осторожны, — тихо произнес Дуань Лин.

Вечером того же дня, покидая город, Дуань Лин обернулся, чтобы издалека посмотреть на Е. Древний город с почти тысячелетней историей купался в лучах заката; стоял летний вечер без малейшего намека на ветерок, а горизонт был таким алым, что казался кровавым.

— Поехали, — сказал У Ду. — О чем ты задумался?

— Меня вдруг осенило, что в этом году я могу больше не вернуться.

Дуань Лин знал, что на этот раз, отправившись в Цзянчжоу, он наверняка столкнется с еще большими проблемами. В ближайшие три года он, скорее всего, не вернется на север.

По словам гонца из Цзянчжоу, сегодня истекал седьмой день после кончины императора. Семь дней назад, как только из дворца пришло известие о смерти Ли Яньцю, там уже разразился полный хаос. Он не оставил посмертного указа и внезапно тихо умер. Цай Янь ощутил себя застигнутым врасплох.

Се Ю немедленно оцепил дворец и собрал главных чиновников на совещание, которое длилось всю ночь. Цай Янь уже выплакал все глаза, едва не потеряв сознание от горя. Даже Му Куанда был застигнут врасплох.

В ту ночь рядом с Цай Янем остались только три чиновника: генерал Се Ю, канцлер Му Куанда и министр доходов Су Фа. Кроме них, остались два убийцы — Чжэн Янь и Улохоу Му, а также главный стратег Восточного дворца Фэн До.

Прежде чем что-то предпринять, Се Ю вызвал императорского врача, чтобы тот осмотрел Ли Яньцю и установил причину его смерти. Затем Су Фа приступил к написанию черновика императорского указа, а Му Куанда тем временем начал обдумывать, что делать со всеми большими и малыми делами, которые последуют завтра, и первое, что он должен был решить, это сохранить ли смерть императора в тайне или объявить о ней всему миру.

Му Куанда, казалось, за ночь сильно постарел. Он выглядел совершенно изможденным, а его глаза были наполнены слезами.

В каком-то смысле все трое присутствующих чиновников были старшими, которые наблюдали за взрослением Ли Яньцю. Се Ю был самым молодым из них, но даже он знал его с юных лет, будучи из поколения старших братьев, и сейчас только он обладал высшей властью над жизнью и смертью в Цзянчжоу.

— Его Величество умер от летней жары, поразившей его сердце. Этого давно следовало ожидать; годы умственного напряжения изнашивали его сердце, — когда речь зашла о причине внезапной смерти императора, императорский врач изрек только эти скудные слова.

Услышав это, Цай Янь снова разразился горестными слезами. На мгновение все во дворце либо

плакали, либо рыдали, каждый от своей утраты. Чжэн Янь прислонился к колонне, и по его щекам текли слезы. Му Цзиньчжи всхлипывала, Му Куанда молча был убит горем, а Су Фа горько хныкал. Лишь Се Ю ничего не говорил, молча наблюдая за этой сценой.

К счастью, у Великой Чэнь все еще был наследный принц. Цай Янь и представить себе не мог, что этот день, предназначенный ему, наступит так скоро. Убедившись, что в смерти Ли Яньцю не было ничего необычного, все перешли в императорский кабинет и начали составлять указ, готовясь к завтрашнему дню.

В голосе Му Куанды чувствовалась напряженность, он звучал измученно.

— Из всех присутствующих здесь я единственный, кто проводил погребальные церемонии для двух предыдущих императоров. Так что если нет возражений, то, пожалуйста, позвольте мне это сделать.

Когда отец Ли Цзяньхуна и Ли Яньцю умер много лет назад, Му Куанда также оставался рядом с ним. В тот год Чжао Куй контролировал вооруженные силы и охранял Сычуань. В день смерти старого императора именно Му Куанда вступил в схватку с Чжао Куем. Услышав его слова, все закивали. Тогда он взял с императорского стола лист желтого шелка и начал составлять указ.

Наследный принц все еще находился в смятении. Как старший чиновник, служивший трем императорам, Му Куанда закончил писать указ. Естественно, в нем сообщалось, что наследный принц унаследует трон и будет управлять империей, а Се Ю, Су Фа и Му Куанда будут ему помогать. Его слова наполнили бумагу глубиной его печали, и при их чтении наворачивались слезы.

Написав указ, Му Куанда передал его на проверку двум другим, и, читая его, Цай Янь не мог не поддаться печали. Его плач перешел в рыдания, да такие, что он упал в обморок. Тогда Се Ю вызвал дворцовых слуг, чтобы они отнесли наследного принца обратно в Восточный дворец.

В тот вечер Му Куанда, Се Ю и Су Фа до глубокой ночи обсуждали вопросы передачи власти. Когда они закончили, Му Куанда остался, чтобы составить опись того, что Ли Яньцю оставил в императорском кабинете. Только во второй половине ночи он прошел по длинной галерее и направился в спальню Ли Яньцю.

Му Цзиньчжи уже переделалась в белые траурные одежды и велела евнухам раздать белые ленты. В пятом часу ночной стражи раздастся траурный звон колоколов, возвещающий о смерти императора.

— Кто приходил? — прошептал Му Куанда.

— Все приходили, один за другим, — ответила Му Цзиньчжи.

— Где Чжэн Янь?

— Я не знаю, куда он делся, — прошептала ему в ответ Му Цзиньчжи. — Первым пришел господин Су, он не задержался, после него пришел Се Ю. Я видела, как Чжэн Янь выбежал из дворца сразу после того, как вернулся из императорского кабинета, предположительно, чтобы объявить о кончине в Хуайине.

— А Фэн До приходил?

— Фэн До тоже приходил. Они с Улохоу Му что-то бормотали друг другу под нос. Не знаю, о чем они говорили.

— Он действительно мертв?

— Тело уже остыло, — нетерпеливо произнесла Му Цзиньчжи. — Пойди и убедись сам.

— Что он ел вчера вечером?

— Он уже два дня ничего не ел, поэтому мы принесли суп из кислой сливы. Я говорила, что он на грани смерти, но никто из вас мне не верил. Вы просто думали, что летняя жара действует на его сердце, лишая аппетита.

Му Куанда распахнул дверь и зашел внутрь. Он и представить себе не мог, что Ли Яньцю умрет вот так, даже не найдя времени разобраться с ним.

Три правителя династии Ли один за другим покинули этот мир за каких-то четыре года.

Но такая скорость смены правителей не была самой быстрой в истории. Можно лишь сказать, что династия Ли, просуществовавшая столь долго, приближалась к своему закату.

Му Куанда подошел к постели Ли Яньцю — его лицо уже приобрело смертельную бледность. Он и так был болен, а теперь, когда был мертв, от его тела исходил зловещий трупный запах. Му Куанда провел рукой по тыльной стороне руки Ли Яньцю. Она была холодной. Он действительно мертв.

Му Цзиньчжи зашла за ним в комнату.

— Наследный принц уже приходил? — спросил Му Куанда.

— Нет. Ты готов?

Му Куанда вздохнул и отступил от кровати, удаляясь из комнаты. Дворцовые служанки подошли к дверям и открыли их. Небо начало светлеть, и дворцовый слуга обеими руками протянул Му Цзиньчжи рулон желтой ткани. Она встряхнула ее, и полотно расстелилось вширь подобно небосводу.

Час настал. Солнце взошло. Оно сверкало на глазурованной черепице дворца, золотыми лучами проникая в большой зал и освещая живых и мертвых. Все вокруг было окутано позолотой.

Желтое сукно, которое, казалось, покрывало весь небосвод, развевалось все дальше и дальше, пока, наконец, не накрыло Ли Яньцю.

— Покойный император... — в голосе Му Цзиньчжи звучала безграничная скорбь. С этого момента она станет вдовствующей императрицей.

Ее слова вылетели из дворца и эхом разнеслись под голубым небом на рассвете. Затем начали звонить траурные колокола.

Дун —

Весь Цзянчжоу сразу же насторожился: спустя три года после получения известия о смерти Ли Цзяньхуна снова низко зазвонил приглушенный погребальный колокол. Все дома распахнули двери.

Дун —

Все четверо ворот дворца открылись, и гонцы разъехались на север, юг, запад и восток, устремившись в каждый уголок славной империи, чтобы объявить всей Поднебесной: император Южной Чэнь теперь мертв.

Дун —

Погребальный колокол прозвенел трижды, в смятении проносясь по стране.

— Он поспешит вернуться на похороны, — прошептал Цай Янь. — Я знаю, что он вернется.

Затем его покрасневшие, опухшие глаза распахнулись, и он резко повернулся к Фэн До. Он тихо произнес:

— Убей его.

Фэн До не мог понять, почему даже в такой момент Цай Янь так настаивал на убийстве молодого человека, который никак не мог повлиять на ситуацию. Очевидно, сейчас ему нужно было думать о том, как бороться с Му Куандой.

— Ваше Высочество, — тихо пролепетал Фэн До. — Мы все застигнуты врасплох смертью покойного императора, но вы должны обратить внимание на текущую проблему. Вам нужно встретиться с генералом Се.

Судьба Фэн До была связана с судьбой наследного принца; Ли Яньцю не оставил после себя посмертного указа, а это было очень опасным сигналом. Му Куанда и Су Фа были вправе помогать в управлении государством, и вскоре начнется борьба за власть.

Су Фа представлял местное дворянство Цзянчжоу, а Му Куанда — внутреннее политическое влияние Сычуани. С этого момента императорский двор превратится в поле битвы между этими двумя. Но независимо от того, кто победит, а кто проиграет, Цай Яню придется несладко. У него не было возможности поддерживать ту или иную сторону, поэтому единственным выходом было осторожно искать место, где он сможет найти баланс между двумя главными фракциями.

Тем временем во всей империи был только один человек, который мог его защитить — Се Ю.

Се Ю управлял многочисленными военными силами, охраняющими Цзянчжоу. Пока он будет соблюдать договор с Черными доспехами, Цай Янь, по крайней мере, будет в безопасности. Чтобы избавиться от него, нужно будет сначала арестовать Се Ю.

— Если ты и дальше будешь медлить, — произнес Цай Янь, — то на нашей стороне не будет даже Се Ю.

Услышав это, Фэн До на мгновение застыл в недоумении, не в силах связать эти две вещи воедино. Почему они лишатся поддержки Се Ю, если не убьют Ван Шаня?

— Ваше Высочество, — серьезно произнес Фэн До, — вы устали. Вам нужно отдохнуть.

— Ступай прямо сейчас, — голос Цай Яня дрожал. — Фэн До, я не смогу перестать волноваться, если отправлю Улохоу Му. Иди и сделай это прямо сейчас.

Вдруг Фэн До что-то пришло в голову, и он почувствовал себя так, словно его опустили в ледяной погреб.

— Ваше Высочество, вы имеете в виду... — но он тут же понял, что были вопросы, которые он не должен был задавать. Иначе, если Цай Янь выживет, следующим умрет он.

— Я сделаю, как вы просите, — произнес Фэн До.

— Как ты и обещал, если не сможешь убить его, то в качестве извинения перережешь себе горло. Но ты не можешь уйти прямо сейчас. Ты еще нужен мне. Ступай, подготовь все необходимое.

Дрожа, Фэн До вышел из комнаты и, покидая Восточный дворец, даже споткнулся на лестнице. Солнце только взошло, и многие стражники Черных доспехов увидели, как он скатился по лестнице. Но прежде чем они успели помочь ему подняться, Фэн До, пошатываясь, встал на ноги. Его щеки стали еще бледнее, чем прежде, а на лбу выступили капельки пота.

Сразу после этого Цай Янь вызвал Лан Цзюнься.

— Все, что ты мне тогда сказал, сбылось, — тихо сказал Цай Янь. — А теперь мы будем действовать по плану?

Лан Цзюнься не ответил Цай Яню. Вместо этого он спросил:

— Ты плачешь по-настоящему или притворяешься?

Одно предложение Лан Цзюнься привело Цай Яня в такую ярость, что он весь затрясся.

— Почему ты...

— Теперь ты должен встретиться с Се Ю, — сказал Лан Цзюнься. — Немедленно.

— Ты пойдешь со мной, — учащенно дыша, ответил Цай Янь. — Я не смею говорить с ним в одиночку. В повседневной жизни он слишком редко открывает рот и всегда словно на что-то намекает. Мне все время кажется, что он меня подозревает.

— Любой бы стал тебя подозревать, — беззаботно бросил Лан Цзюнься. — Чем меньше ты уверен в себе, тем больше у других подозрений.

Несмотря на это, Лан Цзюнься все равно сопровождал Цай Яня, когда тот отправился на встречу с Се Ю.

— Ты меня ненавидишь? — тихо спросил Цай Янь в карете.

Лан Цзюнься сидел на левой стороне повозки и глядел на ночь за окном.

— Закрой занавеску, — сказал Цай Янь.

Лан Цзюнься развязал штору и опустил ее.

Цай Янь пробормотал про себя, как будто погружившись в долгий, долгий сон:

— Ты говорил, что Му Куанда обязательно найдет способ убить дядю после моего возвращения ко двору, но если его охранял Се Ю, а рядом с ним был Чжэн Янь, как ему вообще удалось...

— Он уже много лет нездоров, — ответил Лан Цзюнься. — На этот раз я скорее поверю, что Му Куанда тут ни при чем.

Цай Янь ненадолго погружился в молчание, а затем спросил:

— Куда делся Чан Люцзюнь?

— Понятия не имею. Но когда он должен будет появиться, он появится.

— Значит, сейчас на его стороне больше никого нет.

— Не думай об этом, — холодно произнес Лан Цзюнься. — Сейчас, какое бы решение ты ни принял, оно будет глупым.

Цай Янь вздохнул и посмотрел на Лан Цзюнься. Как только их глаза встретились, тот отвернулся, не желая встречаться с ним взглядом.

— Очень хорошо, — неожиданно произнес Цай Янь.

Лан Цзюнься слегка приподнял бровь, как будто не понимал, что это значит, но и не стал задавать вопросов.

— В последнее время я постоянно злюсь. Иногда я даже не знаю, на что. Но после твоего возвращения из Е мне кажется, что все вернулось на круги своя.

Лан Цзюнься не стал продолжать разговор с Цай Янем. Казалось, ему что-то пришло в голову, и он немного растерялся.

— Я бы предпочёл, чтобы ты разговаривал со мной как раньше — говорил побольше, так мне спокойнее. Я знаю, что с того дня, как ты привез меня из гор Сянбэй, ты часто считал меня бельмом на глазу, словно наблюдал, как я отбираю то, что должно было принадлежать Дуань Лину.

— Когда ты унижал и высмеивал меня, я чувствовал себя в безопасности. Но позже, когда мы узнали, что он жив, а ты больше не говорил мне ни слова, я испугался.

— Чего? — холодно бросил Лан Цзюнься. — Боишься, что я вдруг убью тебя?

Цай Янь заулыбался.

Карета продолжила свой путь. Снаружи ярко светило солнце, но черный занавес повозки казался непроницаемым, полностью закрывая окно. В тесной и темной карете спина Цай Яня насквозь промокла, а на висках Лан Цзюнься тоже выступили бисеринки пота.

Эта карета была подобна гробу для захоронения мертвых, в ней даже дышать было трудно, настолько, что Цай Яню казалось, будто он задохнется. Но он был доволен — чрезвычайно доволен. Он до сих пор помнил день возвращения в Цзянчжоу, когда они с Лан Цзюнься тоже обсуждали что-то в карете, точно такой же, с плотно закрытыми шторами.

Либо они оба выживут, либо умрут. Это была последняя спасительная соломинка Цай Яня.

Конная повозка подъехала к поместью генерала, и, когда Цай Янь уже собирался выйти из нее, Лан Цзюнься вдруг произнес:

— До меня дошли слухи.

Цай Янь перестал тянуться к занавеске, и Лан Цзюнься продолжил:

— Когда покойный император умер, нефритовой дуги при нем не было.

Рука Цай Яня вновь опустилась на бок.

— Это правда. Где она?

Лан Цзюнься не ответил ему.

Цай Янь сказал:

— Я думал, она у него под подушкой, или, может быть, ее забрала вдовствующая императрица.

— Почему ты не спросил ее об этом, когда выходил?

— Как я мог задавать в такой момент вопросы?

Все остальные были поглощены рыданиями, поэтому, если бы Цай Янь был единственным, кто спросил, куда делась нефритовая дуга, это было бы лишено смысла. Оставалась только одна

возможность — ее забрала Му Цзиньчжи.

— Должно быть, вдовствующая императрица хранит ее у себя, — У Цай Яня не было времени размышлять над этим. Он должен был выйти из кареты.

Но тут Лан Цзюнься добавил:

— Возможно. Се Ю признает только нефритовую дугу, но не людей. Будем надеяться, что канцлер Му не использует ее в своих целях.

До этого он был в порядке, но после такого, казалось бы, несерьезного замечания Цай Янь почувствовал себя ошеломленным, и в нем начало расти чувство тревоги.

— Что ты имеешь в виду? — Цай Янь хотел спросить его еще о чем-то, но Лан Цзюнься уже вышел из кареты. Он попытался догнать его, но к этому времени они оказались перед солдатами в черных доспехах, охраняющими здание. Лан Цзюнься слегка повернулся и посмотрел вниз, давая понять, что им следует уступить дорогу наследному принцу.

— Прибыл наследный принц, — произнес Лан Цзюнься. — Он хочет видеть генерала Се.

После смерти Ли Яньцю будущим императором будет Цай Янь. Когда закончится период траура, он станет объектом защиты Черных доспехов, поэтому сейчас никто не заставлял его ждать. Все вбежали внутрь, ушли с дороги и опустили на одно колено, чтобы поприветствовать его.

Держа нефритовую дугу в руке, Цай Янь заставил себя успокоиться, прежде чем ступить в главный зал генеральского поместья.

Вечером семь дней спустя, в разгар лета, У Ду где-то по пути нанял карету. Днем они ехали на лошадях, а когда вечером добирались до какой-нибудь деревни, то нанимали карету, чтобы ехать ночью, и платили за поездку каждое утро, когда просыпались. Затем они отправлялись на лошадях в следующую деревню и нанимали еще одну повозку.

Дуань Лин понятия не имел, что говорили о случившемся в Великой Чэнь, Ляо и Юань. Однако за последние несколько дней ему в голову пришло бесчисленное множество вариантов развития событий, так что он даже не мог нормально выспаться.

Стояла знойная жара. Нефритовая дуга Дуань Лина прижималась к его коже — такую носил его отец. Когда она была рядом, казалось, что душа его отца тоже была здесь и все это время оберегала его.

Внутри кареты было ужасно жарко. Дуань Лину хотелось прижаться к У Ду, но так они оба вспотеют. У Ду оставалось лишь обмахивать его веером.

Только во второй половине ночи, когда У Ду немного приоткрыл занавеску, чтобы впустить ночной ветерок, стало немного лучше.

Дуань Лин проснулся.

— Где мы?

— У горы Цюй.

На этот раз они ехали другим путем, чтобы не нарваться на засаду Цай Яня; они будут двигаться в западном направлении, пока не достигнут границы между Сычуанью и центральной равниной, а затем галопом поскачут на юг. Возможно, это задержит их на пару дней, но зато это был самый безопасный маршрут.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — спросил Дуань Лин.

— Не знаю, — очень тихо ответил У Ду. — Но ты можешь не волноваться. Я уверен, что с ним ничего не случится.

Члены клана Ли всегда использовали нестандартные ходы. Дуань Лин знал, что, независимо от последствий, Ли Яньцю хотел во что бы то ни стало избавиться от Му Куанды. Возможно, он даже пытался убить двух зайцев одним выстрелом и заодно расправиться с Цай Янем.

Он уже продумал множество способов — например, убить Хань Биня так же, как убили Бянь Линбая, или просто составить императорский указ с перечислением доказательств вины Му Куанды, а затем объявить, что Цай Янь — самозванец.

Если он сообщит об этом всему миру, все наверняка решат, что император Великой Чэнь сошел с ума.

Но из всех возможных уловок Ли Яньцю выбрал именно эту, и теперь совершенно невозможно было предугадать, как будут развиваться события дальше.

Дуань Лин снова и снова вертел в руках нефритовую дугу, но У Ду сказал ему:

— Береги ее. Это единственное доказательство, которое у тебя сейчас есть.

Дуань Лин прислонился к его плечу. С передней части кареты повеял ветер, и стало довольно

прохладно. До рассвета оставалось около двух часов, шел пятый час ночной стражи, и он услышал шум воды. Когда они подъехали, карета остановилась перед широкой рекой. Вскоре они покинут повозку и отправятся в путь на лодке, как и планировали. Они оставили Бэнь Сяо Фэй Хундэ, и когда придет время, тот привезет его с собой в Цзянчжоу.

Дуань Лин стоял перед рекой Цюй, над которой проплывали облака, окруженный ночью, такой темной, что не видно было собственной вытянутой руки. Вскоре У Ду разбудил лодочника, выкупил лодку за серебро и проверил, сколько припасов находилось в трюме.

Припасов на борту было достаточно, чтобы плыть три дня — вниз по течению реки Цюй до ее впадения в Янцзы, а затем на восток по Янцзы, пока не достигнут Цзянчжоу.

Весь путь на юг они пройдут по течению, так что это будет гораздо быстрее, чем ехать на карете. Возможно, им даже удастся наверстать упущенный день. У Ду сел в лодку и, толкнув шест о дно реки, унес Дуань Лина вниз по течению.

Дуань Лин свернулся калачиком в трюме, наполовину погрузившись в сон. Он услышал, как капли дождя били по навесу.

— Дождь идет, — произнес Дуань Лин. — Спешить некуда. Иди сюда, не простудись.

У Ду был весь в поту, и на нем все еще была одежда мастера боевых искусств. Он ответил: «Я в порядке», и продолжил стоять на страже на корме.

Дождь начал усиливаться, и их лодка, единственная на воде, направилась в сторону света восточной зари, скрывающегося за тяжелыми дождевыми тучами.

— Я скучаю по тебе, — произнес Дуань Лин.

У Ду положил шест на стойку и зашел в трюм. Сняв верхний халат, он обнял Дуань Лина.

— Поспи еще немного, — тихо сказал У Ду.

— Уже рассвело.

В этом путешествии Дуань Лин почти не спал, но чувствовал себя как никогда бодрым. С момента получения новостей пошел двенадцатый день; ему было интересно, чем занимался Цай Янь и какие перемены произошли в Цзянчжоу.

— Дороги будут перекрыты? — спросил Дуань Лин. — В Цзянчжоу наверняка введено военное положение.

— Даже если дороги перекроют, мы все равно сможем попасть внутрь. О чем тут беспокоиться?

— У Ду утешил Дуань Лина, который, не отрываясь, смотрел на воду.

— О чем ты думаешь? — спросил Дуань Лин.

— Я думаю о том, что мы уже почти добрались, — улыбаясь, ответил У Ду, глядя на Дуань Лина в своих объятиях. — С тех пор как я узнал, что ты — Ваше Высочество, я все думал, когда же мы доберемся до конца нашего путешествия.

Дуань Лин вспомнил день, когда они отправились в обратный путь из Тунгуань, и тот момент в кленовом лесу.

— Прошло два года, — произнес Дуань Лин. — Не сказать, что это очень долго, но и коротким этот срок не назовешь.

Раньше ему казалось, что надежды нет вовсе, но шаг за шагом судьба подводила их все ближе к успеху. И рождение этой судьбы заключалось не в какой-то смутной идее вроде «небесного мандата», а в человеке, что тихо сидел рядом с ним.

Солнечный луч проникал в трюм и падал на нефритовую дугу Дуань Лина; казалось, что внутри нее струился хрустальный блеск.

— Мы нашли ее! — дворцовая служанка обернула платок вокруг нефритовой дуги и показала ее Му Цзиньчжи.

Наконец Му Цзиньчжи перестала об этом беспокоиться и, немного подумав, произнесла:

— Пока убери. Подожди, неважно. Давай сюда.

Дворцовая служанка подала ей нефритовую дугу, и Му Цзиньчжи спросила:

— А где наследный принц?

— Он сегодня ходил в канцелярию.

— Когда он вышел из поместья генерала Се в прошлый раз, кого еще он навещал?

Дворцовая служанка покачала головой и сообщила, что тот никуда не ходил. Му Цзиньчжи передумала и больше не стала ее расспрашивать. Она молча смотрела на нефритовую дугу в

своей руке.

Летнее небо было затянуто темными тучами, и стояла удушающая жара, словно предвещающая скорый ливень.

— Согласно традициям прошлого, — произнес Су Фа, — Ваше Высочество должны оплакивать Его Величество в течение трех лет, прежде чем взойти на трон. Императора У* вынудили к этому тяжелые обстоятельства, но все в империи сейчас пристально следят за Вашим Высочеством...

* Император У Чэнь — посмертный титул Ли Цзяньхуна.

Цай Янь сидел в зале государственного совета, глаза его покраснели.

— Ваше Высочество? — спросил Су Фа.

Цай Янь произнес:

— Нация ни дня не может прожить без правителя. Пожалуйста, позвольте мне исполнить обязанность сыновней почтительности.

— В течение первых сорока девяти дней, до того как Его Величество будет погребен в императорской усыпальнице, можно проводить собрания, на которых будут присутствовать вдовствующая императрица, государственная канцелярия и наследник, принимающий окончательные решения, — продолжил Су Фа. — После первых сорока девяти дней мы сможем выбрать благоприятную дату для подношений небесам. Однако смена девиза правления должна произойти лишь в следующем году, что, в сущности, порядка не меняет.

Цай Янь слушал, как чиновники канцелярии обсуждали между собой и по очереди рассказывали ему о том, что он должен делать дальше. Перед тем как приехать сюда, Му Куанда навестил его во дворце и попытался убедить занять трон как можно скорее. В противном случае он опасался, что Цай Янь не сможет противостоять канцелярии. Ведь никто не знает, что предпримет Су Фа.

Цай Янь должен был занять трон и стать императором как можно скорее, чтобы сделать первый шаг. Затем им предстоит рассмотреть вопрос о его помолвке.

Тем временем канцелярия под предлогом проведения обрядов пыталась убедить Цай Яня не занимать трон слишком быстро. Тот на мгновение задумался, а затем произнес:

— Тогда давайте подождем до окончания главных погребальных обрядов.

В тот день, когда Ли Яньцю скончался и все его чиновники плакали от горя, как раз проходили малые погребальные обряды. После того как тело пролежало в гробу семь на семь, или сорок девять дней, наследный принц и придворные чиновники вывезли его из города и поместили во временную императорскую усыпальницу под горой Юйхэн. В этот день состоялись основные погребальные обряды.

Старый император, Ли Цзяньхун, Ли Яньцю... никто из них не мог вернуться в императорскую усыпальницу на территории Чэнь. Все, что им оставалось, — это ждать того дня в будущем, когда новый император перевернет историю, и души чэньских правителей смогут обрести вечный покой на своей родине.

Пока Цай Янь заканчивал слушать предложения чиновников канцелярии, он думал об отце, матери, других членах своей семьи, а также о брате, погибшем при обороне Шанцзина... о том, что, кроме Цай Вэня, похороненного в Шанцзине, остальные были погребены за пределами Лояна, где их казнили. Возможно, у него никогда не будет возможности вернуться на север, чтобы вознести благовония брату и вернуть гроб семьи Цай в их родовой дом.

— Давайте на этом закончим, — устало ответил Цай Янь. — Больше не будем поднимать эту тему. Я устал. Все решено.

Несмотря на то, что они не могли надолго все отсрочить, им, по крайней мере, удалось выиграть сорок девять дней; это была временная мера. Чиновникам канцелярии осталось лишь распустить совещание и отправиться заниматься приготовлениями.

— Кто у меня следующий? — садясь в карету, спросил Цай Янь.

Фэн До ответил:

— Яо хоу и пятая принцесса.

— Поехали, — ответил Цай Янь. Последние несколько дней он постоянно находился в движении, встречаясь с одним человеком за другим. Фэн До посоветовал ему не занимать трон сразу. Иногда Цай Янь действительно задавался вопросом, понимал ли Фэн До то, что ему говорили. Дуань Лин уже возвращался в Цзянчжоу. Если ему удастся выжить, не обернется ли это чередой еще больших проблем после возвращения?

Но если подумать, даже став императором, он столкнется с теми же проблемами, если Дуань Лин действительно вернется. От того, наследник он или правитель, их суть не изменится.

— Пока генерал Се рядом, — ответил Фэн До, — ничего не случится. У нас еще больше месяца времени на подготовку.

— Подготовки к чему? — спросил Цай Янь.

— Как только Ваше Высочество займет трон, канцлер Му обязательно сделает следующий шаг и выступит против Су Фа.

— Тогда пусть выступает против Су Фа, — сказал Цай Янь.

Фэн До добавил:

— Однако Хань Бинь уже здесь. Кроме того, он привел с собой на похороны пятьдесят тысяч человек.

— У меня есть армия Цзянчжоу. Так почему я должен его бояться? — спросил Цай Янь.

— Хань Бинь и Се Ю никогда не ладили друг с другом, — терпеливо объяснил Фэн До. — Если вы выберете канцлера Му, Се Ю будет смотреть на такое решение с тихим недовольством. А если канцлер Му подаст прошение об отзыве Хань Биня, что вы будете делать? Лучше оставить это решение на усмотрение канцелярии. Если задача может кого-то обидеть, пусть решают ее сами.

— Тогда, когда придет время, канцелярия сделает все возможное, чтобы не пропустить меморандум с просьбой об отзыве генерала Хань. Тогда вам придется лишь устно успокаивать обе стороны. Когда пройдет сорок девять дней и состоятся торжественные похороны Его Величества, у Хань Биня больше не будет причин оставаться в Цзянчжоу. Когда он уедет, вы сможете без проблем взойти на трон.

— А как же Яо Фу? Что мне сказать, когда я его увижу?

— Скорее всего, он ничего не знает. Вам просто нужно хорошенько выплакаться перед пятой принцессой. Пока будете плакать, пронаблюдайте за ней и следите за тем, что она говорит. Если она снова и снова будет спрашивать вас о том, как умер Его Величество, ничего не говорите. Просто плачьте.

— Я буду стараться изо всех сил. Я так много рыдал, что уже не могу рыдать по-настоящему. А что потом?

— Когда выплачетесь, притворитесь, что устали от слез, и усните в гостевом дворцовом зале. Не забудьте вскрикнуть от страха посреди ночи, как мы и планировали. Так у принцессы точно возникнут подозрения.

— Понятно, — глубоко вздохнул Цай Янь. — Я ухожу.

Карета вернулась во дворец, и Цай Янь смахнул складки с одежды, собираясь встретиться с Яо Фу и Ли Сяо, которые приехали на похороны.

Их лодка прибыла к подножию горы Юйхэн. Еще одна ночь, и они выйдут к реке Янцзы и достигнут района Цзянцзо.

Небо было затянуто тяжелыми серыми тучами, которые изредка прорезали вспышки молний, переплетающиеся и рассеивающиеся в далекой темноте. Дуань Лин прислонился к носу лодки. Ему все время казалось, что он никогда не сможет достичь конца этого путешествия; эта дорога вернула его из смерти в жизнь, из темной ночи в рассвет.

Между нынешней и той зимой пролетело много времени. Столько времени, что он уже почти забыл, каково ему было.

— Поспи немного, — произнес У Ду. — Завтра мы уже будем в Цзянчжоу.

Дуань Лин полагал, что им удалось обойти убийц, подсланных Цай Янем. Возможно, тот сейчас был слишком занят восхождением на престол, чтобы тратить силы на покушения. Но вслух он этого не произнес, чтобы не сглазить. У Ду тоже молчал. В ту ночь он, вопреки привычке, облачился в черный ночной костюм, опоясался ремнем, надел кастеты, а Легуанцзянь положил рядом. Опираясь ногой о борт лодки, он выглядел одновременно стройным и сильным.

Дуань Лину очень нравилось, как он смотрелся в черном одеянии. Оно дарило ему ощущение безопасности в темноте.

В крошечной тьме, когда рядом с тобой тихий убийца, даже безмолвная ночь кажется более приятной.

Он знал, что У Ду тоже был начеку: ведь это последний этап их путешествия. Нельзя было допустить, чтобы в конце пути случилась беда.

— У Ду, — прошептал Дуань Лин, — как ты думаешь, мой отец путешествовал с нами всю дорогу?

— Он был рядом все это время. Он даже снился мне прошлой ночью.

— И что тебе снилось? — ухмыльнулся Дуань Лин .

— Он сказал, что его сыну пора возвращаться, — беззаботно произнес У Ду. — И что я должен проследить, чтобы впредь он не перетруждался.

Дуань Лин улыбнулся. Он не знал, говорил ли У Ду правду, но скорее верил этим словам.

Прислонившись к груди У Ду, он медленно уснул.

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем лодка начала раскачиваться. Дуань Лин перевернулся на спину и почувствовал, как в трюме плескалась дождевая вода.

Раздался раскат грома, от которого он проснулся. Лодка резко накренилась, и вода залила его лицо. Дуань Лин немедленно встал.

— У Ду!

— Я здесь! — промокший насквозь от дождя, У Ду стоял на корме и пытался удержать лодку. — Не выходи! Оставайся там!

Дуань Лин крепко держался за борт. Его подбрасывало вверх и вниз вместе с маленькой лодкой, которую несло по течению. На мощных волнах судно взлетало в воздух, а затем снова опрокидывалось на воду.

— Будь готов выбираться на берег! — прокричал в сторону трюма У Ду. — Отправимся завтра! Давай пока укроемся от шторма!

Бушевал ветер, вздымались волны, и за каждым раскатом грома следовал другой. Внезапно небо прорезала молния, озаряя мокрое от дождя лицо У Ду.

В этот момент интуиция Дуань Лина, отточенная практически бесчисленными встречами со смертью, привела его в полную боевую готовность. Схватив свой лук, он выбежал из трюма навстречу У Ду и обхватил его за талию. У Ду, похоже, тоже что-то почувствовал: он крутанулся в воздухе и обнял Дуань Лина, после чего прыгнул головой в реку.

В это же время несколько убийц в черном запрыгнули в лодку. Дротики пронеслись над их головами и упали в реку!

По поверхности воды прокатывался гром, потоки которого били по ушам Дуань Лина, и его сразу же затянуло на дно. У Ду закрыл его своей грудью, ударяясь спиной и плечами о камни на середине реки. Но он не задержался там ни на мгновение и, оттолкнувшись ногами, поплыл к берегу вместе с Дуань Лином.

У Ду был отличным пловцом, и пока врагу не удастся его коснуться, он сможет сразу же на некоторое расстояние оторваться от них. Река была полна скрытых течений, и, когда они пробирались сквозь переплетение подводных камней, раздался очередной удар молнии.

Воспользовавшись ее вспышкой, Дуань Лин широко раскрыл глаза и увидел пятерых убийц в черном, плывущих к ним. Однако У Ду не проявлял ни малейшего страха. Он ухватился за Дуань Лина и продвигался по течению на дне реки, не останавливаясь, пока не добрался до

берега.

По воде разнесся еще один раскат грома. У Ду вытащил Дуань Лина из реки и толкнул его на камни у берега, после чего развернулся и прыгнул обратно в воду.

Дуань Лина окружала тьма. Он не решался ничего сказать и нервно смотрел на реку. Время от времени вспыхивала молния, и вода внезапно окрашивалась свежей алой кровью. Крови становилось все больше и больше, пока она не обагрила весь берег реки.

И тут У Ду снова вышел из воды. Он убрал в ножны Легуанцзянь и, не говоря ни слова, подхватил Дуань Лина и устремился в лес.

— Их еще много?! — спросил Дуань Лин.

— Понятия не имею! Я убил всех убийц, которые были под водой! Давай пока просто уйдем отсюда!

— Спусти меня!

— На тебе нет обуви! Не разговаривай! Так ты заманишь к нам убийц!

У Ду шел по горным тропинкам, время от времени останавливаясь, чтобы прислушаться к ветру в попытке услышать шаги среди капель дождя.

— Да хватит уже лить... — голос У Ду дрожал.

Дождь действительно начал стихать, а в лесу все еще одна за другой сверкали молнии. Дуань Лин заметил, что шаги У Ду стали увереннее, чем раньше, и сказал:

— Опустите меня на землю. Теперь я могу идти сам.

У Ду ступил на мощеную камнями дорожку, прежде чем опустить Дуань Лина на землю. Он продолжал оглядываться по сторонам.

— Смотри под ноги, — сказал У Ду. — Я слышал их раньше. Их стало больше. Они используют для общения свистки.

Не успел он произнести последнее слово, как их услышал и Дуань Лин. Сквозь дождь, в далеком темном горном лесу, он уловил неясный свист.

— Сколько их там? — спросил Дуань Лин.

— Не могу сказать точно. Но явно больше десяти.

— Где мы?

— На горе Юйхэн. Если мы поднимемся еще выше, то окажемся в сосновом бору Фэйцзянь. Нам нужно как можно скорее покинуть гору. Я просто боюсь, что они объявились у реки, просто чтобы вытащить нас на берег.

Дуань Лин и У Ду ускорили шаг и продолжили спускаться вниз. Дождь постепенно прекратился, и в лесу стало тихо, словно все вокруг замерло.

Дуань Лин посмотрел вверх. На горизонте по-прежнему висели темные тучи, а в ночном небе не было ни малейшего просвета. Тишину нарушал лишь слабый звук сапог У Ду, ступающих по лужам.

Он не мог не вспомнить ту ночь в Шанцзине: тогда мир затих, и не было слышно ни звука.

Вдруг Дуань Лин услышал, как взводится курок арбалета. У Ду отреагировал даже быстрее, чем он сам, и обхватил его, защищая шею и лицо. Вдвоем они покатались по каменным скалам, а затем резко сорвались вниз.

Внезапно вокруг них один за другим раздались бамбуковые свистки, причем так часто, что, казалось, они сливаются в единый сплошной звук. С обеих сторон горной тропы появлялись десятки убийц, стреляющие в них двоих из арбалетов!

У Ду не мог приблизиться, поэтому ему осталось лишь спуститься по склону вместе с Дуань Лином. Он прокричал:

— Иди передо мной!

— Перед нами их еще больше! — воскликнул Дуань Лин.

За долю секунды из темноты возникли еще убийцы. Дуань Лин прицелился и убил одного, несущегося на него. Он держал железный арбалет, и пущенная ему в лицо стрела отбросила нападавшего назад, а оружие вылетело из руки.

Дуань Лин подпрыгнул, выхватывая арбалет убийцы. Налетев на него сзади, У Ду бросился на Дуань Лина, и они вдвоем снова покатались вниз по склону. По пути они врезались в бесчисленные кусты и ветки, наносившие болезненные царапины на щеки Дуань Лина. Спотыкаясь и шатаясь, сбивая на своем пути камни, они в конце концов уперлись в край склона.

Под ними пролегал лишь берег, усеянный острыми камнями, и если они упадут, то закончат жизнь кровавыми ошметками. Дуань Лин и У Ду держали друг друга за запястья, и У Ду вбил Легуанцзянь в склон скалы, чтобы закрепить их, — они изо всех сил старались удержаться.

Убийцы высунули головы с обрыва, и Дуань Лин выстрелом убил одного из них. Вскрикнув, тот с грохотом упал с края скалы.

У Ду испустил гневный вой.

— Хааа!

Он гремел в ушах, как гром, и эхом разносился по горам. У Ду, не ограничивая себя в боевых искусствах, развернул Дуань Лина и, воспользовавшись импульсом, с силой ударил по горным камням. Вдвоем они вылетели на поляну за кустами.

— Осторожно! — крикнул Дуань Лин.

Дротик попал У Ду в плечо, брызнула кровь, но он не отдернул его. Он просто прикрывал Дуань Лина, пока они продолжали спускаться с холма. Убийц становилось все больше, их уже была почти сотня. В неустанном преследовании они наступали со всех сторон.

— Откуда эти убийцы?

— Теневая стража! — прокричал У Ду. — Должно быть, их завербовали недавно!

Они приземлились перед темным храмом, и Дуань Лин с разбегу врезался в железные двери, издавая громкий звук. У Ду тут же прислонил его к двери и встал перед ним, прикрывая своим телом. Были слышны шаги: убийцы быстро приближались.

У Ду вынул кинжалы-кастеты и нажал на поясной механизм, выпуская струю ядовитого порошка. Он потянулся за спину, чтобы вытащить из плеча дротик, скрипя зубами от боли. Из раны хлынула кровь.

У Ду понизил голос и произнес:

— Сейчас я их задержу. А ты найди возможность сбежать с горы.

— Нет, — дрожащим голосом ответил Дуань Лин, — У Ду, не рискуй жизнью...

Темные тучи над ними уже полностью рассеялись, уступив место бесчисленным блестящим точкам звезд, проливающим свет на мир смертных. В этом слабом звездном сиянии Дуань Лин

различил почти сотню убийц, собравшихся на возвышенности перед ними. Все они держали в руках тяжелые арбалеты, и, зарядив их стрелами, медленно приближались со всех сторон.

Они держали дистанцию почти в двадцать шагов на случай, если У Ду выпустит облако ядовитого дыма. Если сотня стрел вылетит в них одновременно, то, несомненно, они оба будут застрелены перед этими огромными бронзовыми дверьми.

Дуань Лин обернулся, чтобы посмотреть, и в слабом звездном свете разглядел на двери старый замок.

— У Ду, — тихо произнес Дуань Лин.

У Ду не отвечал. Он прижимался к нему своей мощной спиной и плечами. Все убийцы остановились.

— Беги на северо-запад, — слегка наклонился У Ду в позе, которую принимают перед тем, как оттолкнуться. Вслед за этим убийцы как один нажали на спусковые крючки своих арбалетов.

В тот же миг Дуань Лин выхватил Легуанцзянь из ножен на поясе У Ду и рубанул по замку. Ворвавшись в двери, он затащил его в храм.

— Закрой дверь! — взревел Дуань Лин.

У Ду мгновенно отреагировал, толкнув дверь плечом, пока она с сильным грохотом не закрылась. Сразу же был слышен лишь звук засовов, которые с бесконечным звоном бились о дверь подобно каплям дождя.

Дуань Лин искал, чем бы придержать дверь, но в этом храмовом зале не было ничего, даже молитвенного коврика. Снаружи кто-то начал таранить дверь. У Ду просунул ножны в дверную ручку и закричал:

— Беги в храм!

Следуя по тропинке, они устремились в глубины храма. Перед ними царила кромешная тьма, в которой не было ни звука, кроме тяжелого дыхания У Ду и Дуань Лина. Они ничего не видели. Услышав грохот, Дуань Лин поспешно повернулся на бок и прижался к стене рядом с У Ду.

— У Ду? — позвал его Дуань Лин.

Протянув руку, он нащупал в темноте дрожащие пальцы и провел по ним ладонью, пока не нашел его лицо. Дуань Лин прижался к его губам и поцеловал.

— Это тупик, — прошептал У Ду, — подожди здесь. Я пойду и прикончу их всех.

Снаружи раздался еще один грохот. Убийцы снова и снова таранили двери.

— Нет, постой, — произнес Дуань Лин. — Отсюда должен быть выход. Это же какая-то святыня, а во всех святынях есть черный ход...

Дуань Лин порылся в темноте и вдруг нашел кремень и фитиль, лежащие на каменной платформе. Не теряя времени, он попытался зажечь его. Снаружи раздался еще один громкий удар. Ножны из тонкой стали Легуанцзяня уже погнулись, но все еще крепко держались.

Пламя было разведено, и Дуань Лин зажег маленькую свечу рядом с каменной платформой. Заметив в углу чан, наполненный маслом для вечного огня, он зажег его тоже, и внезапно комната площадью десять чи наполнилась светом.

Это была императорская усыпальница.

Посреди мавзолея стоял гроб из белого мрамора с вырезанными на крышке драконами, а перед гробом возвышалась вырезанная из черного дерева табличка.

Император У Великой Чэнь

— Это гробница моего отца, — голос Дуань Лина задрожал. — Папа...

У Ду и Дуань Лин стояли бок о бок перед каменным гробом Ли Цзяньхуна. Дуань Лин засиял улыбкой и произнес:

— Это ты нас сюда привел?

Он подошел к гробу и опустился перед ним на колени, прислоняясь щекой к его краю. Дуань Лин прошептал:

— Я вернулся. На этот раз я наконец-то вернулся.

Позади донесся еще один сильный грохот, и У Ду резко обернулся и увидел, что бронзовые двери в конце коридора уже раздвинулись, открыв небольшую щель.

Закрыв глаза, У Ду сказал:

— Всю свою жизнь я не верил в волю небес, но теперь у меня нет другого выбора, кроме как это сделать.

— Посмотри туда, — указал Дуань Лин. — Мой отец оставил это тебе.

В глубине усыпальницы висели черные доспехи. Военный кафтан, сотканный из металлических пластин, сверкал подобно чешуе дракона. Шлем в форме Циля излучал величие, а наручи и боевые сапоги завершали образ — это был полный комплект.

Это те самые доспехи, которые Ли Цзяньхун надевал во время встречи с Дуань Лином в Шанцзине!

Рядом с боевым шлемом даже лежал тяжелый меч — копия Чжэньшаньхэ. Когда он был утерян, Ли Яньцю выковал другой, положив его в усыпальницу вместе с императорскими доспехами в качестве погребального имущества Ли Цзяньхуна.

Снова раздался грохот, и двери наконец-то распахнулись. Убийцы ворвались в гробницу с арбалетами в руках.

У Ду в полном вооружении бросился навстречу ливню стрел, словно плывя против течения. Таща за собой тяжелый меч, он боком врезался в убийц!

В эту ночь, под десятую тысячами лучей звездного света, темные тучи рассеялись, открывая взору раскинутую на горизонте Серебряную реку.

Сапоги воина ступали по брусчатке у усыпальницы с такой силой, что на ней появлялись трещины, а в миллионах луж отражались звезды.

Дуань Лин медленно вышел из гробницы, и земля перед ним была уже усеяна трупами.

На высокой платформе, за много ли над землей, на полпути к горе Юйхэн, двери императорской усыпальницы были широко распахнуты. Ленты звездного света, переплетаясь, сверкали, освещая реку Янцзы, бесконечно текущую на восток.

Еще одно Седьмое Седьмого.

Сняв шлем, У Ду с треском бросил его на платформу.

Он изможденно тащил тяжелый меч за спиной, направляясь к Дуань Лину, ожидающему его у императорской усыпальницы. У Ду обнял его, и они вместе упали на колени.

Под императорскими доспехами все еще бурлила пылкая кровь, а героическая душа давно минувших лет никогда не забывала обета, данного по ту сторону двери.

Шлем Циля покоем в луже, окруженный дождевой водой, словно зеркалом, в котором отражалась раскинувшаяся над ними Серебряная река.

Седьмого Седьмого ткачиха плела парчу, опрокидывая серебряный сосуд и проливая в мир смертных миллион капель нефритового нектара.

Они попадали с небес на землю, а затем с земли на небо.

Дуань Лин поднял взгляд к небесам — в его глазах отразились сияющие звезды.

Седьмое Седьмого; земные сны, унесенные западным ветром, на небесах — мгновение, что длится вечность.

Седьмое Седьмого; осенний шепот Серебряной реки звучит сквозь тысячелетия.

□Конец четвертой книги: Пока мы не напьемся под луной□

Предисловие к стихотворению Ли Бо «В весеннюю ночь, пируя в саду, где деревья растут: и персик и слива»

Перевод: В. М. Алексеев

Скажите: небо и земля — вот что они?.. Какой-то постоянный двор для всей тьмы тем живых! А что же ночь и день? Лишь гости, что идут по сотням лет-веков...

А между тем плывет на чем-то жизнь... что сон. И в радости живем — ну, много ль мы?

Древний поэт брал в руки свечу и с нею гулял по ночам. Большой был в этом смысл!

— А здесь?.. Могучая весна зовет меня одетой в мглу красой, — и мир, громадный ком, мне в дар поэзию дает!

Собравшись здесь сейчас, в саду душистом персиков и слив, мы братскую любовь проявим так, как небо нам велит.

Вы, братья младшие, талантливы, умны, вы все — что славный Се Хой-лянь*! А я, ваш старший брат, пишу свои стихи, стыдясь, что вам не буду Се Лин-юнь*.

Веселье, счастье наше без конца! А речь все выше... и идет теперь к святой мечте.

Мы открываем свой волшебный пир, садясь среди цветов. Порхать пускаем ряд крылатых чаш,
пьянея от луны.

Но если нет еще изящного стиха, то в чем нам выразить свою прекрасную мечту?

Когда же у кого-нибудь не выйдет стих, то будем штрафовать его тотчас вином, и столько раз,
как это повелось с поэтов той известной Золотой Долины*.

* Се Хой-лянь — талантливый поэт (394-430), гордость всей поэтической плеяды Се.

* Се Лин-юнь — крупный поэт (385-433), двоюродный старший брат Се Хой-ляня.

* ...известной Золотой Долины — в которой процветал в III в. поэт роскоши Ши Чун.

<http://bllate.org/book/15657/1400677>